

УДК 94–057.4

Б.Б. Бамбаев: биография-реконструкция репрессированного монголоведа

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 28.01.2017, принята 3.03.2017

Статья вводит в широкий научный оборот материалы о жизни и научной деятельности малоизвестного репрессированного монголоведа Б.Б. Бамбаева. Биография-реконструкция одного из многих забытых ученых рассмотрена в контексте переломных моментов исторической эпохи, которая, с одной стороны, позволила ему стремительно войти в научное сообщество, а с другой, круто оборвала его жизнь. Дается характеристика опубликованного и рукописного наследия ученого, хранящегося в архиве Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Ключевые слова: Б.Б. Бамбаев; монголоведа; биография-реконструкция; Бурятия; Ленинград; Монгольская комиссия; репрессии.

B.B. Bambaev: biography-reconstruction of a repressed mongolist

S.G. Zhambalova

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia
zhambalovas@yandex.ru

Received 28.01.2017, accepted 3.03.2017

The article introduces materials of life and scientific activities of the little-known repressed mongolist B.B. Bambaev to a broad scientific circulation. The biography-reconstruction of one of the many forgotten scientists was considered in the context of turning points of the historical era, which, on the one hand, allowed him to quickly enter the scientific community, and, on the other hand, abruptly cut short his life. The description of the published and manuscript heritage of the scientist, stored in the archive of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, is given.

Keywords: B.B. Bambaev; mongolist; biography; reconstruction; Buryatia; Leningrad; Mongolian commission; repressions.

Цель статьи, написанной на основе архивных и литературных источников, — ввести в более широкий научный оборот имя и историю жизни малоизвестного российского бурятского ученого, монголоведа Бальжи Бамбаевича Бамбаева. Задача создания биографии-реконструкции репрессированного молодого ученого — представителя национальной окраины позволит рассмотреть его фигуру в контексте исторической эпохи.

Н.В. Хисамутдинова, определяя специфику изучения биографии ученых, особо выделяет реконструкцию биографий участников переломных моментов в жизни страны. Их жизненный путь и вектор научных исследований, мировоззрения, служебных связей и др. позволяет персонифицировать исторические события, обогатить их фактами. Биография ученого также позволяет судить

об уровне развития науки, условиях работы, взаимоотношениях ученого и власти [1].

С.В. Нестерова отмечает, что остается немало забытых и неизвестных имен, которые иногда всплывают в памяти благодаря некоей случайности [2, с. 94]. В данном случае наложилось несколько событий. Работа над монографией о погребальной обрядности бурят привела к более близкому знакомству с архивом Б.Б. Бамбаева, хранящимся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ЦВРК ИМБТ) Сибирского отделения РАН. Высокое качество работ ученого, сопровождаемое его малой известностью, побудило к поиску биографических, научных и иных сведений. Представилось несправедливым забвение ученого, сгинувшего молодым в годы репрессий в начале многообещающей научной карьеры. К тому же, как выяснилось (к сожалению, слишком поздно), 2016-й год был для него юбилейным — 115 лет со дня рождения.

Утверждать, что Б.Б. Бамбаев находится в полном забвении, будет неверно. Его часто упоминают в электронных ресурсах, например, как востоковеда — жертвы политического террора, как автора хранящихся в архивах документов, как известного уроженца с. Жаргаланта Селенгинского района Республики Бурятия. Его имя хорошо известно ученым-монголоведам. Его деятельности отводится заслуженное место в серьезных научных работах. С.Ю. Неклюдов, крупнейший фольклорист, антрополог, востоковед, позднее сам работавший в экспедициях в Монголии для изучения живой фольклорной традиции, не раз упоминает имя Б.Б. Бамбаева. Его заслуга в том, что, рассматривая в 1984 г. историю собирания и изучения эпоса монгольских народов, он дает довольно подробную характеристику работам молодого ученого [3, с. 31, 32]. Исследователи истории создания и деятельности Монгольской комиссии также не обходят его имя вниманием.

К сожалению, и в данном случае объективно замечание Е.М. Залкинда, написанное по поводу другого бурятского ученого: «Хангалов не получил признания при своей жизни как выходец из народа <...> Только передовые представители русской науки

оценили самобытный талант бурят-монгольского ученого и оказали помощь в его работе» [4, с. 62]. В Бурятии в советское время избегали имен репрессированных ученых, в том числе, например, Ц. Жамцарано, Б. Барадийна и др. В постсоветское время справедливость восстанавливается, однако в серии книг «Выдающиеся бурятские деятели», среди огромного списка кратких биографий людей разных профессий дореволюционного, советского и постсоветского времени, ученых немного. Упоминаний о Б.Б. Бамбаеве здесь нет. В то же время, нередко буряты представлены в международном научном сообществе именно благодаря деятельности таких ярких ученых. Факт их жизни и научное наследие имеют не последнее значение в сохранении позитивной идентичности у бурят, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности.

Новые достоверные биографические данные о Б.Б. Бамбаеве в 1990-е гг. вводит в научный оборот Б.Д. Цибилов (1912–2006). Во-первых, это справка о фонде Бамбаева, датированная 6 февраля 1990 г. [5], затем в 1998 г. в газете «Буряад унэн» опубликована статья Б.Д. Цибилова [6, с. 5], впоследствии вошедшая в монографию в качестве раздела под названием «Бальжи Бамбаев — жертва репрессивного режима» [6, с. 241–245]. При написании справки для архива историку было 78 лет, а к моменту публикации газетной статьи — 86. Опубликованная биография закрывает некоторые лакуны и свидетельствует, что после 1990 г. исследователем восстановлены подзабытые сведения, а, может быть, собран дополнительный материал. Монография Б.Д. Цибилова достаточно полно цитируется здесь: в настоящее время книги, изданные в регионах, нередко малодоступны в силу ограниченного тиража и пр. Чуть позже по материалам Б.Д. Цибилова написал историографическую статью Е.И. Лиштванский, в которой говорится о Б.Б. Бамбаеве [7, с. 31–32].

Б.Д. Цибилов закрепил имя Б.Б. Бамбаева в исторической памяти народа. Помимо объективного желания вернуть из забвения имя коллеги, здесь присутствуют и субъективные причины. Сведений о личных контактах нет: когда Б.Б. Бамбаев был репрес-

сирован, Б.Д. Цибикову исполнилось только 18 лет. Возможно, он не раз слышал рассказы старших коллег о Бамбаеве во время учебы в Ленинграде и работы в Бурятии. В тексте Цибиков делает ссылку на Г.Д. Санжеева и косвенно — на тестя Б.Б. Бамбаева, Буду Цыренжапова. Материалы Б.Б. Бамбаева, поступившие в архив в 1940 г., были описаны в 1990 г. Это стало возможным в связи со сменой идеологии в стране. Ранее, когда воспоминания были более свежими, Б.Д. Цибиков не мог писать о Б.Б. Бамбаеве.

Биографии Б.Д. Цибикова и Б.Б. Бамбаева имеют параллели и точки соприкосновения. Выявляется хронологическая линия: оба родились в эпоху революционных перемен, жили в период ломки старого, традиционного, и строительства нового советского мира. Б.Д. Цибиков жил и в постсоветское время. Они были близки территориально — расстояние между поселениями Жаргаланта и Иволга, где они родились и выросли, около 50 км. Это территория расселения так называемых «шести родов» (*зурган эсэгэ*), выходцев из Предбайкалья, что позволяет говорить о некоей их генеалогической близости. Оба учились в Ленинграде. Б.Д. Цибиков в 1934 г. закончил Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИФЛИ), затем обучался в аспирантуре Института народов Севера в 1934–1935 гг., в 1938–1941 гг. продолжил занятия в аспирантуре МГУ [8, с. 218]. Оба работали в научных учреждениях Бурятии.

Вся короткая жизнь репрессированного ученого тесно переплетается с историей страны. Б.Б. Бамбаев родился в 1901 г. в улусе Жаргаланта Селенгинской степной думы. Его дед был беглый ссыльный поляк, поселившийся среди бурят. После окончания Оронгойской двухклассной приходской школы в 1916 г. Бамбаев учится в Иркутской гимназии (октябрь 1917 — март 1919). Чтобы избежать мобилизации в Русскую армию адмирала Колчака, возвратился в село. Однако в апреле 1919 г. Селенгинской аймачной управой направлен в Даурскую монголо-бурятскую военную школу, которую закончил прапорщиком в сентябре и причислен в Бурят-Монгольский полк, в 4-ю сотню, где служил до декабря. Полк непосредственного участия в военных действиях не

принимал, за исключением отдельных рейдов по приказу атамана Семенова [6, с. 241].

В декабре 1919 г. Б.Б. Бамбаев, воспользовавшись поездкой во время двухнедельного отпуска в Читту, дезертировал. Скрывался в селах Угдан Забайкальского края, Эгита, Жаргаланта Республики Бурятия [6, с. 241]. Порядок, в котором перечислены села, свидетельствует о пути в 700 км к своему дому. Село Угдан расположено в 16 км от Читы. От Читы до Сосново-Озерска, районного центра Еравнинского района Бурятии, где расположено с. Эгита, 283 км, от Сосново-Озерска до Улан-Удэ — 298 км, от Улан-Удэ до Жаргаланты — 90 км. В Эгите, скорее всего, он скрывался в Эгитуйском дацане, который еще функционировал (впоследствии был разрушен до основания). Как видно, девятимесячная военная часть биографии сложилась против воли человека и обусловлена политической обстановкой в стране.

Следующий период жизни Б.Б. Бамбаева связан со становлением советского государства. С июня по октябрь 1920 г. он работает секретарем ревкома в своем селе, затем учителем Корсаковской школы Кабанского р-на Бурятии, в 1921–1922 гг. — в отделе образования Селенгинского района. Во время вторжения Унгерна вел идеологическую работу в Селенгинском и Закаменском районах.

Обращает на себя внимание география его поездок по Бурятии, во время которых формировался кругозор, необходимый для научной работы этнолога и фольклориста. Будучи селенгинским бурятом, выходцем из эхирит-булагатских племен, которые граничили с бурятами из монгольских племен, он жил среди кабанских бурят, до настоящего времени объективно относящихся к группе предбайкальских бурят-шаманистов. Бамбаев побывал у хори бурят Еравнинского района и в Закаменском районе, где сосредоточена часть бурят-хонгодоров, видел быт забайкальских бурят в окрестностях Читы. До настоящего времени в каждой из этих групп сохраняются диалектные особенности, которые были сильно выражены в то время, как и региональные особенности материальной и духовной культуры. Все буряты, за исключением кабанских, были буддистами.

Таким образом, Бамбаеву был знаком в той или иной степени весь спектр бурятской

культуры, представленной на восточном побережье Байкала. Во время учебы в Иркутске он, безусловно, контактировал с предбайкальскими бурятами-шаманистами. Позднее, характеризуя источники, использованные для изучения погребальных обрядов бурят, которое он проводил уже по возвращению в Бурятию, он указывает имена агинского и боханских (иркутских) бурятинформантов.

Касаясь биографии Б.Б. Бамбаева, хотелось бы акцентировать внимание на одном обстоятельстве. В статье о творчестве Д. Банзарова отмечалась значимость принадлежности ученых к культуре изучаемого этноса. Г.Н. Румянцев предполагал, что Д. Банзаров был слишком юн, когда покидал родные степи, и при подготовке главной работы, написанной в 24 года, пользовался сведениями Никитуева и Галсанова [9, с. 103]. Безусловно, это достоверно. В то же время, Банзаров отправился в Казань вполне зрелым, по традиционным монгольским меркам, человеком 13-ти лет. Несомненно, в его работе «Черная вера, или Шаманство у монголов» присутствует дух личных наблюдений и хорошее знание обычаев своего народа, вынесенное из детства и отрочества. Не следует исключать также особый природный дар людей их уровня, уникальную способность восприятия мира.

В силу экстремальности эпохи Б.Б. Бамбаев, очевидно, к 20 годам имел за плечами богатый жизненный опыт, правильно ставил жизненные цели и неуклонно шел по намеченному пути. Подобно другим бурятским ученым XIX — начала XX вв., выросшим в традиционном социуме, это был, безусловно, уникальный человек с личностным сознанием, к которому приходят обычно через серию малых пограничных ситуаций. Таких людей в стране в то время было много. Таким он попадает в образованную русскую среду и с началом мирного времени сразу стремится к осуществлению призвания — посвятить себя науке. Поэтому вряд ли можно полностью согласиться со следующим высказыванием Е.И. Лиштованного: «Учеба в Иркутском университете, затем в Институте живых восточных языков им. Енукидзе заложила у Бальжи интерес к языкам и этнографии монгольских народов» [7,

с. 31]. Скорее всего, интерес к ним привел молодого человека в Иркутский университет, где он учился с сентября 1922 г. по 1924 г., а затем поступил в Институт живых восточных языков в Ленинграде, где произошло его становление как ученого-монголоведа.

В.Э. Раднаев характеризует Иркутск 1920–30-х гг. как центр науки и высшего образования для бурят и якутов — Иркутский госуниверситет имел бурят-монгольское и якутское отделения по гуманитарным наукам, где преподавали крупные ученые-историки [8, с. 218]. Санкт-Петербург (Петроград, Ленинград) к тому времени взрастил немало бурятских ученых. Крупнейшие русские ученые — монголоведы и этнографы уже с давних пор последовательно патронировали бурятских исследователей, сотрудничали с ними. Буряты нередко встречались с учеными из Санкт-Петербурга, уже имея некоторый опыт и образование, полученные ими в Казани или Иркутске. Можно уверенно утверждать, что Б.Б. Бамбаев приехал в Ленинград, обладая определенными знаниями и навыками.

Историческая ситуация и личные качества позволили ему, наравне с другими студентами, сразу войти в большой мир монголоведения. Б.Б. Бамбаеву повезло — он оказался в Ленинграде в то время, когда молодая советская страна продолжает опыт своей предшественницы, Российской империи, и решает задачи научного исследования в союзных и автономных республиках, ранее бывших окраинами империи, а также на сопредельных территориях, в частности в Монголии. Т.И. Юсупова отмечает: «Научная деятельность <...> рассматривалась советским правительством как один из важных факторов усиления политического влияния СССР в Монголии, идеологического оправдания своей политики и повышения международного престижа» [10, с. 6.]. В то же время, Юсупова стремится справедливо обозначить, что комплексное изучение Монголии, наравне с внешнеполитической значимостью, дало возможность русским и советским ученым «реализовать свои личные исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие целого ряда естественнонаучных и гуманитарных на-

правлений и ознаменовались крупными успехами советской науки» [11, с. 3].

Имеется объективное мнение, что период 1925–1929 гг. стал самым интенсивным в советско-монгольских научных контактах в довоенные годы. Система организации и финансирования работ, сотрудничество руководителей научных учреждений двух стран создали условия для продуктивной работы [11, с. 29], и Б.Б. Бамбаеву посчастливилось быть участником этой научной кампании. Фактически он проработал три экспедиционных сезона в Монголии в составе Монгольской комиссии СНК и Академии наук. В распространенных биографических данных неверно говорится только об одной поездке 1926-го года. Возможно, источником этой информации был Б.Д. Цибилов, который знал о поездке, видимо, по опубликованному научному отчету. Такое заблуждение вполне простительно: он писал биографию ученого для газеты уже в преклонном возрасте, находясь вдали от центральных архивов и библиотек. Е.И. Лиштованный вслед за Б.Д. Цибиловым также пишет об одной экспедиции в 1926 году, называя ее «непродолжительной» [7, с. 31]. Другие данные, распространенные в электронных ресурсах, опять-таки, неправильно свидетельствуют о двух экспедициях в 1926 и 1927 гг.

В.В. Митин в 2003 г., опираясь на достоверные источники, пишет: «Уже в 1925 г. в составе комплексной экспедиции Монгольской комиссии впервые отправляется специальный этнолого-лингвистический отряд, в составе которого были сам Б.Я. Владимирцов и молодой бурят Б.Б. Бамбаев. <...> В следующем 1926 г. работа отряда самостоятельно проводилась молодыми учеными. <...> А к юго-западу от Улан-Батора, в долинах рек Тола и Орхон, пролегли маршруты другой группы, возглавляемой Н.Н. Поппе <...>, в которую входил также Б.Б. Бамбаев. <...> Наиболее широкие этнографические работы разворачивались в 1927 г. <...> Давний коллега Поппе Б.Б. Бамбаев проводил сбор этнографического материала в долине р. Селенга» [12, с. 94].

Т.И. Юсупова в 2006 г. в монографии об истории создания и деятельности Монгольской комиссии Академии наук 1925–1953 гг.

делает шесть ссылок на Б.Б. Бамбаева [10, с. 252]. Не раз, отмечая в книге все три поездки Бамбаева в Монголию, в именном указателе она ошибочно пишет: «Бамбаев Балджи Бамбаевич — бурятский монголовед, участник экспедиций Монгольской комиссии в 1926 и 1927 гг.» [10, с. 252]. Первое упоминание в книге следующее: «Комиссия сформировала для работы в Монголии 5 экспедиционных отрядов в следующем составе: этнолого-лингвистический — Б.Я. Владимирцов (руководитель, Азиатский музей АН) и Б. Бамбаев (студент ЛИЖВЯ) ...» [10, с. 75]. Здесь помещена групповая фотография 1925 г., где в монгольской степи между двух экспедиционных палаток стоят Б.Б. Бамбаев, Б.Б. Бородин, Б.Я. Владимирцов, Б.А. Налиханов, Г.И. Боровка, Б. Эрдэмбаяр.

Имеется информация о второй экспедиции 1926 г.: «Н.Н. Поппе, проводив по прибытию в Улан-Батор Б.Я. Владимирцова в Пекин, совершил поездку по долине р. Орхон с заездом на развалины Цаган-Байши на р. Тола и вместе со вторым участником отряда — Б.Б. Бамбаевым — изучал рукописи в еще существовавших ламаистских монастырях и искал наскальные надписи» [10, с. 86]. О третьей экспедиции свидетельствует следующая информация. В этнолого-лингвистическом отряде все участники работали по индивидуальным планам, четырьмя партиями: руководитель отряда Н.Н. Поппе вел работы по изучению даурского языка, В.А. Казакевич работал в районе Дариганга, собирал лингвистический материал и знакомился с археологическими памятниками, Г.Д. Санжеев вел работу в районе озера Косогол, исследуя быт и язык дархатов, а Б.Б. Бамбаев изучал древние погребения в Северной Монголии, в районе Улан-Батора и в долине Селенги [10, с. 96]. Во время экспедиций им собраны интересные материалы, обнаружен ряд ранее неизвестных погребений и обследованы развалины древних городищ, записаны десятки былин, песен, описаны местные свадебные обряды [12, с. 94–96].

Б.Б. Бамбаев собирал полевые материалы в Бурятии. В отчете о командировке 1926-го года он пишет, что перед отъездом в Монголию побывал в родных местах и записал две былины [6, с. 242]. В 1929 г., уже работая в Бурятии, он возглавил историко-этнологическую экспедицию в Закаменский и Селенгинский районы Бурятии и затем на основании анализа народных преданий выдвинул гипотезу о том, что Приангарье — первоначальное место поселения бурят [13].

О результатах работы этого, безусловно, лучшего периода в жизни монголоведа, пишет С.Ю. Неклюдов: «В 20–30-е годы появляется целый ряд работ (Н.Н. Поппе, Б.Б. Бамбаева, Г.Д. Санжеева), посвященных проблемам изучения монгольского эпоса. <...> В своем “Отчете о командировке в Монголию” Б.Б. Бамбаев говорит о записи им четырех эпосов от халхасца Дагвы из окрестностей Улан-Батора, одну из которых (“Лучший из мужей Дзан Дзалудай”) он здесь же публикует; какие-либо сведения об остальных произведениях, к сожалению, отсутствуют» [3, с. 31]. Далее он отмечает, что им записано еще два текста, которые, возможно, относятся к монгольским и бурятским версиям «Джангара». Благодаря полевым материалам достоверно известно, что в то пограничное время пересказ эпосов зимними вечерами еще оставался обычным делом среди молодых людей. Со временем из таких групп выходили рапсоды, исполнители эпических произведений или, как их называет Б.Б. Бамбаев, «профессиональные певцы» [3, с. 31, 32].

Это особо ценные доказательства профессионального владения Б.Б. Бамбаевым методами сбора этно-фольклорных материалов, позволявшими качественно выполнять полевую работу в составе серьезной академической экспедиции, а также написать довольно объемный научный отчет. Опыт исследователя заложен, конечно, научной подготовкой, полученной во время учебы, а также практикой работы рядом со старшими высокопрофессиональными коллегами. В середине 1920-х гг., как уже говорилось, Бамбаев учился в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) и одновременно преподавал на подготовительном отделении. Жил, как и многие студенты-

буряты, в общежитии при буддийском храме. В декабре 1927 г. закончил институт [13].

Вернулся он в Бурятию в феврале 1928 г., по другим данным — летом 1928 г. Преподавал монгольский язык в Буручкомо и в Бурятпедтехникуме до октября 1929 г., затем перешел на преподавательскую работу, где прослужил до ареста 8 февраля 1930 г. В этот период жизни он женился на Бадмаханде (Мэрри) Цыренжаповой, студентке Бурятпедтехникума, и у них родилась дочь. Жена умерла в 1935 г., а дочь — после войны [6, с. 244, 245].

О продуктивности научной деятельности Бамбаева в Бурятии свидетельствует список опубликованных работ, который приводит Б.Д. Цибилов [6, с. 242, 244]. Это статьи «К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа» и «Цаган Сара», учебник монгольского языка в 2-х частях, сборник орфографических упражнений для первого года обучения [14–16]. В современном библиографическом указателе приведена одна работа Б.Б. Бамбаева — «К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа», изданная Бурят-Монгольским научным обществом им. Д. Банзарова и Буручкомом в 1929 г. отдельной брошюрой [17].

Б.Д. Цибилов указывает, что в Санкт-Петербургском филиале архива РАН хранятся четыре рукописи. Это «Отчет о работе в историко-этнологическом отряде научной экспедиции 1927 г.», «Памятники древности в Северной Монголии», «Сто песен монгольских племен», «Былины и сказки халхал-монголов». В ЦВРК ИМБТ Сибирского отделения РАН хранятся шесть рукописей: «Бурят-Монгольские пословицы и поговорки» (516 пословиц, 212 л.), «Погребальная обрядность бурят-монголов» (81 л.), «Перевод летописи Хобитуева» (10 п. л.), «Статья о происхождении и быте селенгинских бурят» (5 п. л.), «Улигеры, загадки, песни. Рукопись на бурятском языке» (98 л.), «Описание детских игр и другие» (34 л.) [6, с. 244].

Особняком стоит архивированная рукопись работы Б.Б. Бамбаева «Описание погребального обряда и его происхождение» [18], с которой я познакомилась на завершающей стадии работы над монографией «Погребальная обрядность бурят». Специальное чтение данной рукописи было пред-

принято в целях ревизии работы, проведенной аспирантом, а позже моим соавтором А.С. Суворовой, которая прежде ввела в диссертационную работу несколько сюжетов из рукописи Б.Б. Бамбаева. После внимательного изучения рукописи мной было принято решение ввести ее в широкий научный оборот в нашей монографии целиком, за редким исключением небольших сюжетов, скорее всего, компилятивного характера — о культе огня, о душе, о важной роли женщин, жриц-шаманок. Акт публикации рукописи в наиболее полном виде, с сохранением научной редакции ученого, позволяет ввести в официальный список ученых Бурятии, имеющих академическое образование, незаслуженно забытое имя Б.Б. Бамбаева, человека, унесенного вихрем репрессий начала 1930-х гг. Этот акт исполнит завещание Б.Д. Цибилова: «Долг чести ученых опубликовать эти рукописи репрессированного коллеги. Это будет искуплением за преступление тоталитарного режима, преградившего путь к научным вершинам 29-летнему талантливому ученому» [6, с. 244].

Текст рукописи Б.Б. Бамбаева написан зелеными, красными и синими чернилами на бланке «Фактура №... на бесплатный отпуск литературы издательством по распространению изданий Бурят-Монгольского Ученого Комитета – 192... г.». Бланк на простой дешевой бумаге формата А4. Записи чаще с одной стороны, реже — с двух. Имеются редкие вставки на половинках листа. Поправок очень мало, но видно, что текст редактировался самим автором. Почерк красивый, текст записан на нелинованной бумаге очень ровно. В конце рукописи имеются качественные, почти профессиональные рисунки погребений шамана, лам и др., нередко это перерисовки из материалов М.Н. Хангалова, о чем имеется указание.

Рукопись Б.Б. Бамбаева «Описание погребального обряда и его происхождение» является самостоятельной, хорошо структурированной, завершенной работой, написанной на достоверных верифицируемых архивных, полевых и литературных источниках прекрасным русским языком. Рукопись не только не была опубликована ранее, но до настоящего времени не привлекала ничьего внимания. Введение ее в научный обо-

рот в монографии, которая завершена и будет опубликована в 2017 г., только углубит очень многие наши авторские позиции, укрепит достоверность и обоснованность выдвигаемых нами положений и в целом украсит работу.

Из научных и этических соображений решено текст рукописи Б.Б. Бамбаева ввести в соответствующие разделы нашей работы отдельным шрифтом, что позволит легко вычленивть ее из общего текста и представить как отдельную книгу в книге. При этом структура работы исследователя не сохраняется из-за несовпадения порядка расположения тем в наших работах, в целом весьма схожих по рассматриваемым проблемам. Тем более что ученый не оставил в стороне погребальную обрядность советского времени, которая рассмотрена им, правда, в заключении. В оригинальном виде исследование Б.Б. Бамбаева состоит из разделов, написанных в следующем порядке: погребальный обряд; смерть; похороны шамана-*харбаха*; загробная жизнь шамана; похороны стариков и прочих; обряд погребения у бурят-буддистов; обряд погребения лам; заключение. Как видно, исследователь вполне логично рассматривает в первую очередь погребальные обряды предбайкальских бурят как стадияльно более ранние, затем переходит к рассмотрению темы, связанной с забайкальскими бурятами-буддистами. В первом случае изучение начинается с погребения шаманов, во втором — с погребения рядовых бурят-буддистов, затем лам.

О достоверности работы Б.Б. Бамбаева свидетельствует характеристика источников, представленная в рукописи: «Нужные сведения я записывал от стариков и лам *гурумба* и через этих лам пользовался обрядовыми книжками на тибетском языке. Основным материалом о похоронах шамана послужили черновые записи М.Н. Хангалова, записанные им в Еланцинском булуке Эхирит-Булагатского аймака. Также здесь мои записи о похоронах шаманистов и буддистов, записанные от старика из Агинского аймака Чойвана Чагдарона, долгое время пребывавшего в бывшем Унгинском хошуне Аларского аймака. От него же я получил сведения о старинных и современных погребальных обрядах агинских бурят-монголов.

Очень ценными оказались рассказы стариков из Боханского аймака — Будункена Николаева и Эхирит-Булагатского аймака — Маласагаева о похоронах шаманов и стариков» [18, л. 8, 9].

Достоверных данных о том, как завершилась жизнь Б.Б. Бамбаева, нет. Ясно, что для нормальной жизни и науки он был потерян 6 февраля 1930 г., в день ареста. Сохранились данные: «Приговорен особой тройкой при ПП ОГПУ по ВСК 28 апреля 1930 г., обв.: ст. 58-10, 58-13. Приговор: 8 лет лишения свободы. Реабилитирован 12 сентября 1989 г. Прокуратурой Бур. АССР» [19]. Указанные статьи относятся к государственным преступлениям: «58-10. Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений <...> 58-13. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период Гражданской войны ...» [20].

Довольно широко распространена информация на основании рассказа Н.Н. Поппе, отчасти подтверждаемого документами НКВД, о том, что Б.Б. Бамбаев с помощью знакомого тюремщика бежал из улан-удэнской тюрьмы и ушел за границу, в Маньчжурию [13]. Б.Д. Цибикив пишет: «Профессор Г.Д. Санжеев рассказывал мне, что Б. Бамбаев жил в Монголии, работал бухгалтером в сельхозобъединении и был узан одним калмыком, который знал его по Ленинграду. Эту версию ему передал под большим секретом монгольский ученый-баргинец Эрдэмбэлиг, который тоже учился в Ленинграде в те годы» [6, с. 244]. Б.Д. Цибикив на основании записи в уголовном деле выдвигает версию о том, что в июне 1930 г. «он по ходатайству ОГПУ СК (Сибирского края) освобожден из-под стражи», в дальнейшем был использован как агентурный работник, и слух о его бегстве распущен специально [6, с. 244].

Б.Б. Бамбаев, проживая за несколько тысяч километров от крупных научных центров, будучи начинающим научным работником, оказался жертвой репрессий конца 1920-х — начала 1930-х гг., когда десятки

ученых были арестованы и осуждены по разным делам. Он является одним из тысяч невинно пострадавших ученых, чьи имена должны быть известны народу.

Литература

1. Хисамутдинова Н.В. Портрет на фоне эпохи [Электронный ресурс]: к проблеме реконструкции биографий // Власть книги: библиотека, издательство, вуз: науч.-информ. альманах. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т. 2014. № 14. URL: <https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/issue-14/> (дата обращения: 11.10.2016).
2. Нестерова С.В. Биография-реконструкция как отражение культурно-исторических процессов эпохи // Проблемы развития сознания в культуре и образовании. Барнаул, 2014. С. 94-104.
3. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Гл. ред. вост. лит., 1984. 309 с.
4. Залкинд Е.М., Хангалов М.Н. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. гос. изд-во, 1945. 63 с.
5. Цибикив Б.Д. Бальжи Бамбаевич Бамбаев // ЦВРК ИМБТ (Центр Восточ. рукоп. ксилографов Ин-т монголовед. буддологии и тибтологии) СО РАН. Ф. 11. Оп. 1.
6. Цибикив Б.Д. Бурятские ученые социал-демократы. Улан-Удэ, 2004. 250 с.
7. Лиштованный Е.И. К вопросу о деятельности бурят в Монголии (по материалам книги Б.Д. Цибикива «Бурятские ученые национал-демократы») // Гуманитарные исследования Внутренней Монголии. 2008. № 2/3. С. 24-32.
8. Раднаев В.Э. К 100-летию со дня рождения Б.Д. Цибикива // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 1. С. 218-219.
9. Румянцев Г.Н. «О черной вере или шаманстве у монголов» Д. Банзарова. К столетию со дня смерти Д. Банзарова // Материалы науч. сессий и статьи / Ин-т востоковедения АН СССР, Бурят-Монгол. НИИК. Улан-Удэ, 1955. С. 99-127.
10. Юсупова Т.И. Монгольская комиссия АН. История создания и деятельности в 1925 – 1953 гг. СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.
11. Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: проблемы становления, развития и основные результаты (1921–1961 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 50 с.
12. Митин В.В. Этнографическое исследование Монголии Монгольской комиссией АН СССР // Метаморфозы истории. 2003. Вып. 3. С. 88-103.
13. Бамбаев Балджи Бамбаевич [Электронный ресурс] // Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период. URL: <http://vostokoved.aca>

demic.ru/80/БАМБАЕВ%2С_Балджи_Бамбаевич (дата обращения: 09.10.2016).

14. Бамбаев Б.Б. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бурчюк, 1929. 21 с.

15. Бамбаев Б.Б. Цаган сара («Белый месяц») // Эрдэм ба шажан (Наука и религия). 1929. № 1 (4).

16. Бамбаев Б.Б. Учебная грамматика монгольского языка. В 2 ч. Верхнеудинск, 1930. Ч. 1.

17. Этнография бурятского народа: библиографический указатель: 1768 – 2002 гг. / под ред. Д.Д. Нимаева. М.: Вост. лит., 2006. 559 с.

18. Бамбаев Б.Б. Описание погребального обряда и его происхождение // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. 81 л.

19. Бальжи Бамбаевич Бамбаев [Электронный ресурс] // Geni: сайт. URL: <https://www.geni.com/people/Бальжи-Бамбаев/6000000037798154709> (дата обращения: 20.10.2016).

20. О введение в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года [Электронный ресурс] // Кодекс: сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 27.10.2016).

УДК 94 (571.53)

«Сибирская ссылка»: 20-й выпуск

А.А. Иванов^{1 а}, В.Н. Максимова^{2 б}

¹Иркутский государственный университет, ул. К. Маркса 1, Иркутск, Россия

²Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

^аottisk@irmail.ru, ^бmaksimova_v_n@mail.ru

Статья поступила 24.05.2017, принята 6.06.2017

Статья приурочена к выходу 20-го тома сборника научных статей «Сибирская ссылка». Актуальность этого издания в просветительском и научном аспекте трудно переоценить, как и значимость такого явления в истории Сибири, как политическая и уголовная ссылка. Оценивая общую тематику сборника на протяжении четырех десятилетий, авторы обзора выделяют два периода, во многом характерных также для отечественной исторической науки в целом — советский, когда основное внимание исследователей было сосредоточено на революционной проблематике, и современный, предполагающий более широкий подход к изучению охранительной, карательной и пенитенциарной политики государства и рассматривающий сибирскую ссылку как фактор культурного и хозяйственного развития региона. Именно с этих позиций делается обзор публикаций, включенных в очередной, 20-й выпуск сборника.

Ключевые слова: Сибирь; научные исследования; история; краеведение; междисциплинарность; колонизация; репрессии; политическая и уголовная ссылка; пенитенциарная система.

«Siberian Exile»: the twentieth edition

A.A. Ivanov^{1 а}, V.N. Maksimova^{2 б}

¹Irkutsk State University; 1, K. Marks St., Irkutsk, Russia

²Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^аottisk@irmail.ru, ^бmaksimova_v_n@mail.ru

Received 24.05. 2017, accepted 6.06.2017

The article is timed to the publication of the 20th edition of the collection of scientific articles "Siberian Exile". The relevance of this publication in the educational and scientific aspect is difficult to overestimate, as is the significance of such a phenomenon in the history of Siberia, as a political and criminal exile. The authors distinguish two periods, which are also characteristic of Soviet historiography in general. The first is the Soviet period when the main focus of researchers was on revolutionary problems. The second is a modern period, involving a broader approach to the study of